

[Почитать описание, рецензии и купить на сайте МИФа](#)

ГЛАВА 2

ВОТ И ВЫБИРАЙ

Покрывало на плечах прибивает к земле тяжестью того самого жгучего чувства, что заставляло признаваться князю в своей ненависти. На пару мгновений — не больше. Зачем так спокоен? Зачем добр? Но злиться на это уже глупо, поребячески. Титай перехватывает взгляд князя, хмыкая вместе с ним. Да уж... Хорошая была ночь.

Вопросов не задает. Приказ есть приказ, не в его положении шутить. Понимать нужно, когда это уместно. Титай — умеет. Поднимается, отыскивая штаны. Одевается, прячет браслет в карман.

Вытянув из пояса алую ленту, возвращается к князю, чтобы обмотать его порезанную руку. Если не добил сам, глупо оставлять рану, чтобы его проняла какая-нибудь болезнь. До утра хватит этого, а там у него наверняка найдутся искусные лекари. Закрепляет ленту осторожно и быстро. Не первый раз уже бинтует, порезы и покрупнее были. Вот теперь поднимается и кивает, встречаясь взглядом с Алексеем. В его собственном взгляде решимость сменяется заинтересованностью: «Что князь задумал? В темницу обычно не провожают».

Титай и правда смог бы затеряться в этих местах. Забыть свое имя, спрятать прошлое и осесть в какой-нибудь деревне.

Живой ум не даст ему пропасть. Хотя в другом месте — например, здесь, на Мангупе, — и ум, и иные умения пригодились бы лучше, если бы он захотел. Но решение должно быть принято только им, иначе никакого смысла в этом не будет. Титай должен захотеть этого сам.

Князь с удивлением смотрит, как Титай бинтует руку: уверенно, умело и крепко, словно ему уже не раз приходилось это делать. Поправляет покрывало на плечах юноши, накидывая на манер плаща, и скрепляет крупной фибулой с мангупским цветком. Забота за заботу.

В кармане Титая виднеется гранатовый браслет. Надо же, забрал все, не оставил ни обломков, ни звеньев.

— Пригодится?

В ответ Титай только отрицательно качает головой:

— Вряд ли.

Если беглый раб продаст такую вещь, это прямая дорога под стражу. В мире есть много украшений, но некоторые из них становятся подписью, клеймом, по которому всегда тебя узнают те, кому это надо. Тебя найдут, не успеешь даже пропить деньги. Однако дело не только в этом. Титай смотрит искоса и думает, что он не очень хорош в умении заводить друзей, с такими-то ответами. Но князь заслуживает знать чуть больше.

— Это памятная вещь.

Почему «памятная вещь» служила оковами, разговор уже другой. Не самые веселые мысли отгоняет жест заботы.

— Да я не замерз бы... — улыбается коротко, наблюдая, как Алексей сооружает плащ. Резная кованая фибула поблескивает, стоит чуть сдвинуть с места.

Н-да, и над благодарностью тоже стоит поработать.

В одной из стен спальни скрыта дверь. Такая может вести к лестнице или в подсобное помещение: неприметная и простая. Но за ней прячутся веранда с выходом на крышу и новая

дверь, ведущая в узкий темный коридор с лестницей вниз. Князь берет факел, чтобы не бояться переломать ноги на ступенях. Спускаются они долго, ниже, чем мог бы быть самый первый этаж. Стены становятся холоднее, кое-где по камням сбегает влага, сверкает, отражая дрожащий свет факела.

Подвалы — вещь для Титая не самая привычная. На осыпающейся земле встретишь разве что пару этажей вниз. Темницы, хранилища для зерна, сокровищницы — он многое видел. Но не бесконечные лестницы, уходящие в темноту. Запертое в камень сердце начинает гулко биться. Титай неосознанно цепляется за руку князя, когда оказывается близко и соприкасается с его плечом. Тут же смотрит широко, отступая на ступени назад. Не боится, нет — страху не взять его сердце. А вот смущению — вполне.

Алексей думает, что с юношей, видимо, не обращались по-человечески. На неловкость Титая в общении только улыбается мягко. По этим лестницам он сам может ходить и без света. Знает, где ступенька выщерблена, а где одна выше другой. Руку Титая сжимает без вопросов, подумав, что по ту сторону моря, наверное, небогато с холодными горными проходами и подземельями. Удерживает его, когда он отступает, чтобы не запнулся на узких ступенях и не упал.

— Еще немного осталось. Если затушить огонь, то будет, как в пещере, темно и тихо.

Весь Мангуп изрыт пещерами и ходами. Они здесь природные и рукотворные, выдолбленные в камне под самые разные нужды. Знающий человек может отыскать монашеские кельи, винодельни, склады, амбары для скота, тюрьмы и казармы... Да много всего. Но в центральной части города почти нет других пещер, кроме этого прохода, — на то он и тайный.

— Куда мы?

Это могут быть темницы, это может быть колодец, выход в какое-то место в городе — что угодно примет спокойно, раз уж сам согласился за ним идти. Но знать куда — хочется. Неизвестность редко сулит что-то хорошее. Только очень счастливый человек может позволить себе радоваться неожиданностям. Титай же предпочитает их избегать. Правда, на ответ особенно надеяться не приходится. Если бы князь хотел, то сказал бы сразу.

— Я... знаю несколько ваших пещер. Ходов. — Признание не из лучших. Возможно, правильнее было бы Титаю промолчать. Но это все еще не чужая тайна. Он не подставляет никого, кроме себя. С остальным разберется, а ему хочется сказать это. Просто чувствует, что так нужно. — Но большинство из них скотные, хранилища, винодельни. Об остальных никто ничего не знает. Как тебе удастся сохранять тайны, когда люди разносят слухи быстрее, чем чуму?

Коснувшись мимоходом ладонью каменной стены, танцор понимает, что она теплая. И, удивленный, замедляет шаг.

— Если никто ничего не знает, то и судачить не о чем, верно? — Голос Алексея бьется о стены, каменная порода отвечает эхом.

Столовая гора испещрена ходами. Какой смысл прятать их, если в иной можно провалиться, стоит лишь шутки ради решить погулять по кустам в городе? Те, что имеют стратегическую ценность, охраняются, само собой. Допуск туда есть только у князя и его доверенных, которые точно не станут распускать слухов.

— Мы сейчас высоко. Сложно поверить, что, спускаясь под землю, ты все еще находишься над ней, верно? Я хочу показать тебе кое-что. Считай это прогулкой. — Алексей слышит, что Титай замедляется, и сам идет медленнее, позволяя поразглядывать и потрогать стены, если ему так интересно. — Солнце прогревает тут все насквозь в это время года.

Титай соглашается и замолкает. Это странное место: подземный город на вершине горы, дворцы и цитадели, ставшие продолжением скал. Когда подъезжали сюда, он видел сияющие белые стены, уходящие в самое небо, в высоту, на которой, должно быть, живут только птицы. Он замыкается, не пытаясь больше расспрашивать или касаться камней. Вряд ли князь станет делать исключение и выдавать чужаку свои секреты. Вот только одна мысль возвращается раз за разом. Этого хода он тоже не знал. Значит, дорога может вести в один конец.

— Когда ты успел побывать в пещерах? — спрашивает князь, замечая, что Титай затих. Не нужно хорошо знать его, чтобы понять, что это для парня необычно. Впереди появляется синий просвет: уже видно конец спуска и улицу, залитую лунным светом. — И ты теперь знаешь один из проходов прямо в мои комнаты. — Алексей, надеясь немного приободрить Титая, явно намекает на то, что этот ход — один из самых-самых тайных. Посматривает на него в свете факела, когда коридор становится чуть шире: так, что теперь можно встать рядом, а не друг за другом.

Не думай лишнего, Титай. Твое сердце — вот что должно диктовать тебе, голова должна только проверять.

— А? — Титай поднимает взгляд на лицо князя как раз тогда, когда показываются отсветы луны. Они выходят на улицу, значит. — В пещерах я не был. Собирал все, что о них известно. Учил расположение. Зарисовывал карты.

Он отпускает руку князя, едва поравнявшись. Ступени становятся одинаковыми, более мелкими, камень под босыми ногами теплеет. Вокруг суше и светлее: около дорог здесь всегда так, а сами дороги белые. Смутные подозрения заставляют хмуриться. Пригодится ли ему это знание? Титай смотрит искоса, чуть склоняет голову.

Не давай мне надежду, князь. Что за шутки?

Он говорит, что готовился, изучал, зарисовывал. Алексею нравится, что юноша рассказывает это сам. Честных людей очень мало, а Титай, поняв, что лгать больше нет нужды, действительно перестает это делать.

— Может, и пригодится, кто знает? — отвечает Алексей вполне честно. Хотелось бы, чтобы пригодилось.

Наконец спуск заканчивается, в округлом проеме становятся видны небо и небольшая природная площадка в горной породе. Они выходят на улицу. Сверху нависает массив скалы, внизу — спуск, где узкой лентой вьется тропа сквозь лес. Если пройти чуть дальше к краю площадки, встать над самым обрывом и оглянуться, не увидишь ничего. Ни богатого города, ни его огней, будто и нет здесь столицы. Только неприступная скала.

Воздух свежий и влажный после дождя. Князь встает на краю обрыва, оглядывается, жестом подзывая к себе, дышит глубоко. На губах сама собой появляется улыбка. Так каждый раз, стоит лишь взглянуть на свою землю. На любимый всем сердцем край.

— Смотри. — Широким жестом Алексей охватывает открывающийся вид. После дождя нет знойной дымки, а луна дает достаточно света, чтобы можно было без труда осмотреть округу. — Запоминай то, что видишь, все, куда может дотянуться твой взгляд, и еще немного дальше, от гавани и Каламиты* до южного хребта Калафатлар** ... — Звучный голос князя эхом

* Каламита (от *греч.* «красивый мыс») — византийская крепость с выходом в море и своим портом Алавитой. Находилась на территории Ахтияра (современный Севастополь). Крепость прекратила свое существование и после была восстановлена Алексеем.

** Калафатлар — скала из мраморовидного известняка, находящаяся на территории Ахтияра. В основе названия лежит слово «калафат» — в переводе с тюркского «головной убор янычара».

разносится под сводами. Наполненный неподдельной гордостью и теплом, он дрожит в груди. — Здесь ты хотел затеряться? — Алексей говорит и выглядит так, будто тут ему принадлежит все. Нет... Не совсем. Будто и горы, и леса, и далекие побережья он способен обнять и обогреть. Укрыть властью, уберечь волей. Слишком много тепла во взгляде.

— Не думаю, что именно здесь. Но если узнал бы эти места раньше — непременно захотел бы.

Уж не думает ли князь его отпустить? Титай тихо усмехается. Может, спросить? Зачем молчать, если такая мысль появилась? Вряд ли желание выбраться живым можно назвать постыдным. Но это было бы странно. Слишком странно, так не бывает. Да и князь вышел безоружным, а вокруг нет никого. Подозрительно. Так что пусть случится то, что должно.

Едва Титай решает это, едва отводит взгляд от височных колец Алексея, как открывается долина. Массив могучего леса, темнеющего внизу на крутом склоне и дальше, по всей балке. Лес парит, после дождя из него поднимаются облака. Ветер гонит их, заставляя луну игриво мерцать, и сам залетает в грудь. Горы окутаны теплом и влагой.

К обрыву Титай подходит медленно. Дышится здесь широко. Скалы греют. Округлые, обласканные ветрами, они кажутся надежным массивом, а не угрозой. К ним хочется отступить. Но он встает на краю, рядом с князем. От укола ревности, от странной тоски поджимает губы и говорит:

— Если бы хоть один правитель из тех, кого я видел, так любил свою землю и людей... По пути сюда мы не видели рабов, не слышали звуков хлыста. Оттого я правда поверил, что места эти пустынно и брошены на растерзание шатающимся разбойникам да пастухам. Но в самом городе кое-что заставило сомневаться: за день, проведенный здесь, я не видел ни одного нищего. Ни один слуга не рыдал. Ни один попрошайка не появился на рынке, ведомый голодом.

Я видел купцов и ремесленников. Видел тех, кто привозит урожай на телегах и меняет его на посуду и ткани. Видел, как юноши с оливковой кожей смеются, поливая друг друга водой из фонтана. И их не трогала стража. — Титай качает головой, с силой прикусывая губу, и добавляет едва слышно: — Как будто люди... свободны здесь.

Князь выдыхает, чувствуя гордость за все, о чем говорит Титай. Его земля свободна. Его люди счастливы, и поэтому они любят его — того, кто не бьет их плетью, кто не забирает у них больше необходимого для общего блага, кто позволяет купаться в своих фонтанах и искренне заботится о них. Стражу в Доросе не боятся, а любят, потому что воины защищают, а не нападают.

— Все так. — Алексей замолкает, готовясь произнести то, зачем сюда шел. — Если решил бежать — беги. Я показал тебе путь, и до утра пропажи не хватятся, а тебе достанет ума успеть замести следы. Или ты можешь остаться здесь и с честью принять наказание. Тебя будут судить по моим законам. И тогда, быть может, через много лет ты сможешь снова ходить по этой земле. Но свободным. — Князь поворачивается к Титаю, смотрит пристально, чуть щурясь, чтобы лучше видеть его лицо в неверном свете луны, пока порыв теплого ветра подкидывает черные волосы, делая их похожими очертанием на пламя.

Захочет уйти — уйдет. Не захочет — останется. Вот тебе и свобода воли, Титай. Вот и выбирай.

Одно дело — мечтать о чем-то. И совсем другое — когда другой человек произносит это вслух. Так вот что за дорога ведет вниз... Титай оглядывается, провожая узкую ленту белой тропы, скрывающейся в зарослях. Правда можно уйти? Прямо сейчас? Несколько шагов — и все будет позади: посол, гордые дочери ромеев, пастухи и правители, битвы за чужаков и танцы для незнакомцев. Как было бы хорошо.

— Не могу. — Титай рассеянно наблюдает, как треплет ветер полы княжеской накидки, расшитой драгоценностями. — За твою жизнь я получил бы свободу, честно добыв ее. А если уйду, буду в бегах всю жизнь. Как преступник и вор. — Ветер резко кажется холодным, приходится обхватить себя за локти, сжимая ткань накидки. — Я хотел бы свободу такую, как у твоих людей. Ее и буду добиваться.

Это не глупая гордость. Это он лжет, почти лжет, укрывая львиную долю правды: кроме названных, за плечами еще десятки причин, о которых не знает князь. Если Титай уйдет, то в Эдирне казнят человека. Если Титай уйдет, то утром будет мертв сам Алексей. Князь, которого любит все его проклятое государство, где счастлив каждый человек. Князь, который стоит с грудью нараспашку перед своим несостоявшимся убийцей и предлагает ему уйти. Титай отворачивается от обрыва, делая шаг назад, чтобы глаза не видели этой тропы. Ясно, почему за тебя умирают. Потому что ты такой — стоишь улыбаясь, как будто не существует для тебя ни тревог, ни печали.

— Бежать не хочешь, значит, — кивает Алексей. Вот только не позволяет отойти: ловит парня за плечо, тянет к себе одной рукой, а второй удерживает у основания шеи. За спиной Титая оказывается обрыв. Одно неверное резкое движение — и можно сорваться, потерять равновесие. У князя руки сильные, ноги привычные к здешним камням. Он-то не упадет.

— И все же что именно ты собираешься делать? Убивать по поручению посла? Или гордо выйдешь передо мной, чтобы ответить за свои поступки? Уверен, у тебя много поводов сбежать и затеряться, но ты здесь. Стоишь передо мной в моем покрывале, отказываешься бежать. Что еще тебе обещали, чтобы привязать? Слишком многое, верно?

Князь уже не сомневается, нет. Просто решение трудное. Последствия будут простираться дальше горизонта, и не одному Титаю разбираться с ними.

— Утром, если ты вернешься к послу, тебя казнят.

Без сомнений. Если покушение было совершено по приказу Джахана, в чем Алексей почти убежден, то неудачу парню не простят.

— Если захочешь остаться со мной, спрятаться не получится. Тоже придется отвечать за свои дела. Так... как ты будешь добиваться своей свободы, Титай?

Полушаг вперед. Движение выверенное: ровно столько, сколько допустимо, чтобы остановиться на краю непоправимого. Руки сжимают покрывало на чужой груди, вытягиваются, удерживая над самым обрывом.

Смены ветра достаточно, чтобы от рассеянности не осталось и следа. Спокойствие ложно, за ним всегда идет буря. Только к бурям Титай привык. Так что почувствовать обрыв спиной не удивительно, разве что слегка... Странно. Он заглядывает Алексею в глаза и понимает, что происходящее правильно. Князь не наивен и не глуп. Скорее, Титай сам сглумил, поддавшись эмоциям и предположив на миг, что этот человек не смог бы за себя постоять. Вдыхает и выдыхает ровно, не дергаясь в чужих руках.

— Если другого выхода не будет, отвечу за то, что сделал. Какой бы расплата ни была. Если получится, найду выход и воспользуюсь возможностью.

Нет, князь. За это мне ничего не обещали. Империя дарит не обещания, а угрозы. Не сулит богатств, но держит лезвие топора над твоей шеей. Если победишь, то наградой станет не поощрение, а отсутствие наказания. Осторожно, почти незаметно Титай поднимает руки, обхватывая пальцами предплечья князя, пока тот говорит. Слушает внимательно, не пропуская ни одного слова.

Но, стоит Алексею закончить, резко дергает его на себя, разворачиваясь противовесом. Прибивает его вниз, к земле, чтобы тот не сорвался. Теперь князь лежит на обрыве,

лопатками и головой над пропастью. Титай сверху: держит его коленом, ногой и одной рукой упирается в камни, нависая лицом к лицу.

— Вот так. Так я буду добиваться, — шепчет почти в губы. — Если останусь при тебе, меня осудит твой народ. Да и ты сам — как сможешь доверять предателю? Меня казнят. Если останусь верен послу, меня тоже убьют. Да, я знаю. И не знаю, как решить эту задачу. Все, о чем я могу просить сейчас, — это время. Мне нужно подумать, что делать. — Он поднимается над ним, протягивая руку. — Дай мне руку, Алексей. И время. Давай вернемся и отдохнем хотя бы до рассвета.

Если их не будет во дворце утром, неизвестно, что случится и кто пострадает. А так хотя бы сможет быть рядом.

Ясно становится, что никто из них не хочет убивать. Пройтись по лезвию — это да, конечно. Рискнуть жизнью, чтобы получить ответ, — пожалуйста. Безрассудно, глупо, но действительно. Сердце колотится о ребра, будто запустившись от удара о землю. Князь слушает каждое слово, как до этого слушал Титай. Видит, что парень за свою жизнь будет бороться, как зверь. И это нравится. Главное, чтобы он выбрал верную сторону. От Алексея можно услышать обещание, а не угрозу. И получить награду за сделанное, а не отсутствие наказания. Такое вот странное у него княжество.

Ветер треплет светлые волосы. Камень или пучок травы, растущей на обрыве, неприятно упирается в лопатку, а князь смеется негромко. Нет, он не бесстрашный и не безумный. Совсем нет. Ну разве что немного. Но жадный до жизни, а в Титае ее очень много. Парень снова не воспользовался возможностью и не причинил вреда, хотя мог. Только клыки показал и свою решимость этими клыками прогрызть себе путь. Князь чуть хитрее. Свободной рукой он обнимает Титая за шею, второй — сжимает протянутую руку, поднимаясь.

— Ты не узнаешь решения этой задачи в одиночку. Подумаем вместе. Я не шутил, говоря, что хочу, чтобы ты жил. — Он задумчив и явно впечатлен. — И ты прав безусловно: пока что я не могу доверять тебе. Но верить — могу. Надо же начинать с чего-то. Будет тебе время и отдых, Титай. Будет.

Алексей не шарахается, в светлых глазах страх не замечает все другие чувства. Титай столько раз видел это: ужас загнанного в угол животного, ненависть к змее, разрушившей мираж танца. Золото только обрамляет руки, привыкшие к работе иного толка. И князь этого, кажется, не боится.

Титай вдруг резко выдыхает, обхватывает князя обеими руками. Жмурится. Так редко можно позволить себе слабость.

— Будь моим хозяином ты, я был бы самым покорным из рабов. — Других слов благодарности в себе не нашел. Только так.

— А по своей воле моим стать не хочешь? — Князь улыбается в ответ на его слова, обнимая крепко, прижимая к себе и касаясь подбородком виска. Небо все светлее. У них осталась всего-то пара-тройка часов.

— По своей воле я уже стал твоим. — Титай смеется глухо и низко, обнимает крепче. Чувствует себя глупо, а потому сердце бьется быстро. Очень давно не проявлял чувств так открыто, не обнимал никого вот так. Отпускает, отступает на шаг, смущенно отводя взгляд к розовеющему горизонту.

— У меня есть план, но я должен продумать детали. И мне нужно быть уверенным, что ты будешь ему следовать, если хочешь...

— Остаться с тобой? — Титай улыбается грустно. Он лучше всех знает, почему этого не выйдет.

— Остаться живым для начала. — Алексея подкупают эта наивность, эта честность в желаниях. — Но признаю, тут у меня есть личный интерес. Так что поживем — увидим?

Сложно. Как же сложно не совершать поспешных действий, не принимать скорых решений. Титай будто и правда околдовал, зачаровал. И будь князь менее образован, он бы верил в то, что так оно и есть. Перед рассветом самое холодное время. Роса появляется на траве, как сонные слезы фей. Свежий ветер шепчет обещания, приносит запах моря. Скоро в права вступит сошедшая за ночь жара и снова наберет силу.

— Да.

Алексей позволяет юноше еще немного посмотреть на предрассветную долину под горой, затем оглаживает его плечо, отвлекая.

— Пойдем. Подниматься мы будем дольше, чем спускались.

— Поделишься мыслями? Хочу услышать план, прежде чем соглашаться следовать ему. Не все здесь так просто, ты и сам знаешь. Носил бы я горшки в покои посла — одно дело. Можно было бы меня выкупить — и дело с концом. А так...

— Расскажу. И ты мне все расскажешь о своих сложностях. Глядишь, придет в голову еще что получше.

«Не успеешь, светлый князь, — думает Титай. — Ты не успеешь».

Они поднимаются молча, но держатся за руки. Иногда делают остановки для отдыха. Все же подъем не спуск. Даже самый выносливый человек замучается взбираться по сотням ступеней. Но это и хорошо: ход обустроен, чтобы покидать дворец, а не проникать в него. Видимо, расчет на то, что враг устанет и передумает подниматься.

На площадке, на самой крыше перед входом в комнаты, Алексей оглядывается. Он только изредка кажется беспечным. Сейчас же на его лице Титай явственно читает решимость и отвагу, следы тяжелых раздумий и едва заметную тоску. Он думает: если спросить, то князь сошлется на усталость, как это сделал бы любой на его месте.

[Почитать описание, рецензии
и купить на сайте](#)

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

